

В книге, как только «Чу Ваннань» стал совершеннолетним, в его жизни словно открылся какой-то кран: один за другим начали появляться мужчины, которые раньше никак не проявляли симпатии, но теперь лезли знакомиться и признаваться в любви.

Сначала Ся Цинлу не воспринимал это всерьез, но теперь, услышав слова Е Чангуана, он смутно ощутил, что сюжет постепенно встает на рельсы.

Он не помнил в книге того младшекурсника — возможно, желающих признаться «Чу Ваннаню» было так много, что тот парень был просто фоновым персонажем, не заслуживающим детального описания.

Пока Ся Цинлу пребывал в шоке, Е Чангуан продолжал:

— Удивительно, правда? Я сам обалдел, когда узнал.

Он вздохнул:

— Что ни говори, а смелости этому парню не занимать. Идти на признание, заранее зная об отказе... И ведь после отказа он не разрыдался, а спокойно заявил: «Я знаю, что вы, старший, выдающийся человек, поэтому я буду стараться еще сильнее, чтобы стать достойным вас».

Е Чангуан причмокнул губами:

— Эх, малыш, если ты не нравишься Чу Ваннаню, то каким бы выдающимся ты ни был, ему все равно. Не в ту сторону ты силы прикладываешь.

После признания от мужчины Чу Ваннань даже в лице не изменился. Он невозмутимо вернулся в караоке-кабинку и помог Ся Цинлу отправить одноклассников по домам.

Его ледяное спокойствие на протяжении всего вечера вызывало искреннее восхищение.

Объект обсуждения, Чу Ваннань, процедил:

— Заткнись.

В момент признания он тоже удивился — честно говоря, он никогда не думал, что может нравиться мужчинам. Придя в себя, он быстро ответил отказом. Но собеседник, словно ожидая этого, даже не перестал улыбаться: он просто высказал все, что хотел, и ушел.

— Понял, понял, — Е Чангуан изобразил, как застегивает рот на молнию.

Перерыв закончился, и все вернулись на площадку. Только вот Ся Цинлу по сравнению с предыдущей игрой выглядел рассеянным.

Чу Ваннань заблокировал летящий в Ся Цинлу мяч и обернулся:

— Силы кончились?

Настроение друга явно упало после того, как Е Чангуан разболтал про признание.

Ся Цинлу покачал головой:

— Все в порядке, просто задумался случайно.

Как раз закончился раунд. Ся Цинлу вернулся к скамье, вытер пот полотенцем, подхватил стоявшую рядом бутылку воды, открутил крышку и жадно припал к ней.

Чу Ваннань заметил это и узнал свою бутылку:

— Ошибся, это моя.

— А? — Ся Цинлу перестал пить и внимательно присмотрелся. — И правда, перепутал.

Он протянул открытую бутылку другу и взял свою. Словно сговорившись, они оба одновременно запрокинули головы и начали жадно глотать воду.

Е Чангуан допил последние капли, почесал горло, но жажда не унималась. Магазин был далеко, а тащиться туда под палящим солнцем было лень. Он огляделся по сторонам и устался на бутылку Чу Ваннаня, в которой оставалось еще больше половины. Бесстыдно придвинувшись, он проямлил:

— Брат, дай глотнуть.

— Брезгую.

Е Чангуан возмутился:

— Эй! Сяо Лю только что пил из твоей бутылки, там наверняка его слюни остались, а ты даже горлышко не вытер. Что, твоя брезгливость избирательна?

Ся Цинлу вставил свои пять копеек:

— Не называй меня Сяо Лю! — это звучало как обращение к официанту в лавке.

Чу Ваннань не ответил, лишь бросил на Е Чангуана взгляд, в котором читалось: «А ты как думал?»

«Ладно-ладно, друзья детства — это совсем другой уровень».

Е Чангуан струсил, но гневно развернулся к другому другу:

— Сяо Лю, дай глотнуть твоей!

— Я же сказал, не называй меня Сяо Лю! — проворчал Ся Цинлу, протягивая воду, и не забыл предупредить: — Только горлышка не касайся.

— Ты тоже брезгуешь?

Ся Цинлу молча посмотрел на него:

— Неужели ты хочешь отведать моих слюней?

«Фу-у...» От одной мысли об этом обоим стало противно.

Они синхронно вздрогнули.

— Ладно, ладно, — согласился Е Чангуан и, воспользовавшись моментом, молниеносно выпил всё до дна. — Кайф!

— Е Чангуан, ты подлец! Всё выпил, а мне что теперь пить?!

— Иди пей у брата Чу.

Пока они дурачились, к ним кто-то подошел.

Чу Ваннань, пока те препирались, успел допить почти всю воду. Опершись локтями о колени, он отдыхал, опустив голову, как вдруг перед ним упала тень.

Пришедшим оказался капитан команды противников. Он отлично играл в баскетбол и был крепкого телосложения. Сейчас он, не мигая, смотрел на Чу Ваннаня взглядом человека, привыкшего получать желаемое.

— Тебя зовут Чу Ваннань? Давай добавимся в Вичат.

Для баскетболистов это было обычным делом: если видишь, что противник хорош, после игры логично обменяться контактами для будущих матчей. Никто не придавал бы этому значения, кроме Ся Цинлу и Е Чангуана.

Друзья перестали возиться и переглянулись. Е Чангуан начал строить рожи, предвкушая зрелище.

Чу Ваннань не заметил их переглядываний. Он поставил пустую бутылку:

— Прости, я не добавляю незнакомцев.

Капитан не пал духом от отказа:

— Тогда давай познакомимся. Меня зовут Хань Ицзе, я из Первой школы. Как и вы, только что сдал выпускные. — Он снова протянул руку с телефоном: — Теперь можно добавиться?

По его внешности и уверенной позе было ясно, что в жизни он привык быть в центре внимания. Первый отказ его задел, но интерес к Чу Ваннаню перевесил раздражение. Напротив, холодность собеседника лишь раззадорила его боевой дух.

Капитан многозначительно улыбнулся, как бы намекая на взаимопонимание:

— Ты все-таки добавься. Вдруг после этого ты поймешь, что мы с тобой одного поля ягоды?

«Одного поля ягоды?»

Язык Ся Цинлу сработал быстрее мозга:

— В смысле, оба мужчины?

Улыбка капитана застыла, он недобро посмотрел на Ся Цинлу.

Тот вжал голову в плечи, но не успел ничего сказать, как Чу Ваннань уже поднялся.

Он был на полголовы выше капитана. Резкие черты лица и безмолвное, но давящее величие заставляли сердце собеседника замирать.

Хань Ицзе невольно отступил на два шага, в изумлении выдохнув:

— Ты...

Чу Ваннань:

— Мы с тобой не одного поля ягоды. Отойди, пожалуйста.

Ся Цинлу, надежно спрятанный за широкой спиной Чу Ваннаня, высунул голову и, глядя на струсившего капитана, покачал головой.

Ему хотелось сказать: эти люди просто не видели Чу Ваннаня в гневе. Иначе, столкнувшись с таким свирепым видом, они бы и близко не подошли за Вичатом.

Мысли Ся Цинлу снова улетели далеко.

Хань Ицзе... Он не слышал этого имени раньше. Наверное, как и тот младшекурсник, он просто фоновый персонаж.

В книге, куда бы ни пошел «Чу Ваннань», везде находились его обожатели. Одни влюблялись с первого взгляда, другие — пообщавшись и попав под очарование его качеств, теряя голову от страсти.

Притягательность, сравнимая с магией.

Или с проклятием.

Чу Ваннань не оставил собеседнику ни шанса сохранить лицо. Капитан помрачнел:

— Подумаешь, какой гордый! Не хочешь — не надо, будто кому-то очень приспичило!

«Раз не приспичило, чего не уходишь», — мысленно прокомментировал Ся Цинлу.

Когда злой капитан наконец скрылся, Чу Ваннань снова сел. Е Чангуан тут же закинул руку ему на шею, поддразнивая:

— Ну ты даешь! За неделю разбил мечты уже двух парней.

Чу Ваннань проигнорировал его, но когда потянулся за водой, заметил выражение лица Ся Цинлу.

Он на мгновение замер, затем протянул ему открытую бутылку:

— Пей.

Он подумал, что Ся Цинлу до сих пор мучает жажда, а так как вода закончилась, тот расстроился.

Ся Цинлу покачал головой:

— Не нужно, я не хочу пить.

Он просто-напросто переживал из-за сюжета.

Чу Ваннань внезапно приблизился. Его лицо, совершенное, словно шедевр искусного мастера, оказалось совсем рядом — настолько близко, что Ся Цинлу мог пересчитать каждую ресничку.

— Подожди, не двигайся, у тебя что-то в волосах, — сказал он.

Ся Цинлу послушно пригнул голову:

— Что там?

Чу Ваннань подцепил пальцами и показал:

— Клочок бумаги, видимо, ветром принесло.

В этот момент они находились очень близко друг к другу, но ни один из них не видел в этой дистанции ничего странного.

— Теперь ясно, почему ты не хотел добавляться. Оказывается, у тебя уже есть парень, — раздался холодный смешок.

Троица обернулась. Хань Ицзе, который не выдержал обиды и вернулся, стоял в паре метров от них, скрестив руки на груди и язвительно ухмыляясь.

Больше всего его взгляд, полный враждебности, был направлен на Ся Цинлу.

Ся Цинлу: ?

Он огляделся, убедился, что капитан смотрит именно на него, и ткнул в себя пальцем:

— Я?

Он — парень Чу Ваннаня???

— Пф-ха-ха-ха-ха! — Е Чангуан прыснул водой и согнулся пополам от смеха.

Взгляд капитана стал еще более недобрый.

Кое-как отдышавшись, Е Чангуан встал между Ся Цинлу и Чу Ваннанем, приобнял обоих за плечи и, дважды кашлянув, серьезно сказал Хань Ицзе:

— Ты прав. Они — пара. Причем помолвлены с самого детства, скоро поженятся. Так что у тебя нет ни единого шанса.

Лицо капитана по мере того, как он слушал, сменилось с триумфального на озадаченное.

Он почесал голову и, злобно уставившись на Е Чангуана, спросил:

— Ты меня разыгрываешь?

Е Чангуан:

— Вовсе нет. Они обычно даже спят... Ой-ой-ой, больно!

Е Чангуан резко отскочил, потирая руку — слезы чуть не брызнули из глаз. Он обиженно посмотрел на Ся Цинлу: тот ущипнул его за кожу на тыльной стороне ладони и провернул её на 180 градусов.

Ся Цинлу спокойно убрал руку:

— Не слушай его бред.

Капитан посмотрел на него, потом на Е Чангуана и хмыкнул:

— Значит, ты не его парень?

Он перевел взгляд на Чу Ваннаня:

— Тогда почему ты не хочешь дать мне свой Вичат?

Ся Цинлу подумал: «И кто только что говорил, что ему не очень-то и хотелось?»

Его передернуло от странности происходящего. Мужчина, который только что кричал, что ему все равно, прибежал обратно с допросом, напрочь забыв о недавнем позоре.

Они виделись первый раз в жизни, а он вел себя так, будто был по уши влюблен в Чу Ваннаня и не мог от него отстать.

Просто ужас.

Ся Цинлу молча отступил на шаг, оставляя поле боя за Чу Ваннанем, на лице которого уже читалось крайнее раздражение.

Чу Ваннань:

— Потому что я не добавляю дураков. Особенно тех, кто не понимает человеческого языка. Теперь-то ясно?

— Ты! — лицо капитана пошло пятнами.

Чу Ваннань (ледяным тоном):

— Мне повторить еще раз?

Хань Ицзе был в ярости, но он не был слепым и видел, что Чу Ваннань на пределе.

Юношеская влюбленность бывает и крепкой, и хрупкой одновременно. Вернуться, переступив через гордость, было его пределом. Продолжать дальше — значило превратиться в жалкого подпевалу.

Осыпая всех проклятиями, капитан ушел. Ся Цинлу подозревал, что теперь тот, скорее всего, возненавидит Чу Ваннаня.

Это отличалось от навязчивых поклонников из книги. Впрочем, и «Чу Ваннань» из книги отличался от реального: книжный принимал всех без разбору, а у реального на лбу было написано «не подходи — убьет».

Ся Цинлу задумался, как вдруг кто-то хлопнул его по макушке. Он поднял глаза.

Чу Ваннаня несколько не задел инцидент с капитаном:

— Не спи, собираем мячи и идем домой.

— Уже уходим? — разочарованно протянул Е Чангуан, но, взглянув на часы, спохватился: —

Ладно, мне сегодня тоже ужинать с семьей.

Е Чангуан помахал им рукой на прощание.

Ся Цинлу помахал в ответ.

Летние сумерки наступают поздно: было уже около шести вечера, но солнце еще не скрылось. Температура воздуха спала, подул прохладный ветерок, стало гораздо комфортнее.

Сердце Ся Цинлу тоже успокоилось. Появилось время обдумать события недели, и он невольно вздохнул:

— Удивительно всё это.

Какая-то книга, случайно схваченная в лавке, твердит ему, что его лучший друг превратится в распутного человека, не знающего отказов.

А в реальности словно сорвало печать — мужчины один за другим начали признаваться Чу Ваннаню в любви.

Ся Цинлу посмотрел на него сбоку: с этого ракурса линия челюсти Чу Ваннаня была четкой и резкой, высокие надбровные дуги, глубоко посаженные глаза, прямой нос и красивые тонкие губы складывались в идеальный профиль.

С таким лицом... неудивительно, что он привлекает мужчин?

Наверное, красота универсальна, — неуверенно подумал Ся Цинлу.

Его взгляд задержался слишком надолго, обжигая не хуже солнца. Чу Ваннань подождал немного и, не дождавшись, пока друг отвернется, сам повернул голову.

— У меня что, цветы на лице выросли?

В отличие от холодного тона с капитаном, голос Чу Ваннаня был обычным, с привычными нотками близости. Он звучал гораздо мягче — таким Ся Цинлу видел его всегда.

Они выросли вместе и какими бы ни были перед другими людьми, друг с другом они оставались собой.

Из-за этой близости они могли уловить малейшее изменение в настроении друг друга.

— С тобой в последнее время что-то не так, — заметил Чу Ваннань.

Это «не так» началось еще неделю назад. Сначала он думал, что Ся Цинлу просто не может привыкнуть к безделью после экзаменов, но сегодня стало ясно, что того мучает что-то другое.

Выражение лица друга менялось постоянно: то тревога, то облегчение, то уныние, то воодушевление — настоящие американские горки.

Чу Ваннань:

— Переживаешь из-за результатов экзаменов? Не стоит. Судя по ответам, ты сдал отлично.

В вечер после экзаменов они отказались от всех приглашений, заперлись в комнате и всю ночь

сверяли ответы.

Результаты Чу Ваннаня всегда были стабильными, он не сомневался, что поступит в Университет Цинхуа, поэтому был вполне спокоен.

Его больше волновал Ся Цинлу. Весь последний месяц перед экзаменами он буквально силой удерживал друга за столом, заставляя учиться до потери пульса.

Той ночью он молча сверял ответы предмет за предметом, а Ся Цинлу напряженно следил за ним.

Когда они закончили, оба выдохнули с облегчением.

Ся Цинлу прыгнул выше головы. Месяц каторжной учебы не прошел даром.

Вспомнив об этом, Ся Цинлу гордо выпятил грудь:

— Еще бы, я же вкалывал как проклятый.

Затем он взглянул на Чу Ваннаня и не забыл похвалить его:

— Конечно, мой успех — это не только мои старания, но и твоя заслуга, ты ведь помогал мне всё повторять.

От такой щедрой похвалы уголки губ Чу Ваннаня слегка приподнялись.

— Главное, чтобы ты об этом помнил. В университете будешь целый месяц кормить меня обедами.

Ся Цинлу:

— ...Ты не слишком ли в меня веришь? Это же Цинхуа. Я, конечно, превзошел себя, но не до такой же степени.

Результаты еще не были известны, а Чу Ваннань уже вел себя так, будто их поступление в один вуз — дело решенное. Ся Цинлу почувствовал необходимость вылить на него ушат холодной воды.

Чу Ваннань:

— Экзамен в этом году был сложным, проходной балл наверняка упадет. У тебя есть шансы.

Ся Цинлу приуныл. На самом деле он хотел сказать, что им не обязательно учиться в одном университете.

Он хотел изучать психологию. В Цинхуа факультет психологии был хорош, но у их вечного конкурента по соседству этот факультет считался лучшим в стране.

Если баллов хватит, он бы предпочел именно его.

Но сказать это Чу Ваннаню он пока не решался.

Ся Цинлу проглотил свои печали:

— Ну тогда спасибо тебе за такую веру в меня.

Чу Ваннань остановился:

— Мне кажется, или ты сейчас язвил?

Ся Цинлу поспешил откеститься:

— Тебе кажется.

Видя, что к Ся Цинлу вернулась бодрость, Чу Ваннань не стал развивать тему и сменил предмет разговора.

— Что хочешь на ужин?

— Мне всё равно, только не болгарский перец! — раздался в воздухе настороженный голос Ся Цинлу.

— Тогда будет жареная свинина с редькой.

Незаметно небо окрасилось в нежно-оранжевый цвет. Птицы пролетали над головой, а из окон домов доносились запахи вкусной еды, растекаясь по улицам.

Тени двоих юношей длинными полосами тянулись по земле, а их голоса становились всё тише.

— Ладно. Кстати, когда вернется тетя Лю?

— Через пару дней, её путешествие только на середине. А дядя Ся придет на ужин?

— Нет, у них снова свидание на двоих.

— ...

<http://bllate.org/book/17132/1601407>